

История философии, 56. Немецкий идеализм.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Теперь мы хотим обратить внимание на немецкий идеализм, не забывая при этом об общей структуре современной мысли, которую мы представили этими двумя пересекающимися линиями. То есть, у нас есть традиция континентального рационализма, представленная Декартом, Спинозой и Лейбницем, которая после Канта переходит в немецкую идеалистическую традицию. И если вам интересно, в чем заключается точка соприкосновения, то это в акценте на самости.

У рационалистов, конечно же, акцент делается на априорном знании, то есть на внутренних интеллектуальных ресурсах личности. На внутренней рациональности личности. И затем личность приобретает еще большее значение в развитии немецкого идеализма.

Конечно, у нас есть и британская эмпирическая традиция, представленная Локком, Беркли и Юмом, которая переходит в позитивизм и эмпиризм XIX века, с которыми мы познакомимся у таких людей, как Джон Стюарт Милль, а затем в XX веке с Бертраном Расселом и логическим позитивизмом, и так далее. Далее мы просто будем следовать этим двум тенденциям. Таким образом, мы будем следовать европейской тенденции вплоть до XX века, вплоть до Жан-Поля Сартра и далее.

А затем мы вернемся назад и проследим эмпирическую тенденцию от Бентама и Милля до 1950 года и далее. Так что мы будем структурировать это именно таким образом. Также имейте в виду общую хронологию, представленную на другой диаграмме, которая, надеюсь, вам уже достаточно знакома.

В ходе истории развивалось множество традиций мировоззрения. Традиции, которые можно назвать теизмом, натурализмом, пантеизмом или чем-то подобным. И каждая из них находилась под глубоким влиянием и формировалась под воздействием научных моделей, развившихся в истории науки.

Первый подход, конечно же, представляющий греческую науку, пифагорейскую или аристотелевскую, делает акцент на объективной реальности формы, неизменности видов и так далее, следовательно, на телеологическом мировоззрении. Второй подход заключается в том, что механистическая наука утрачивает телеологию, сводя её к простому механическому порядку материи и причинно-следственным механизмам. Но затем, как мы упоминали в прошлый раз, примерно в 1800 году или немного раньше, начинается расцвет

исторической науки и биологической науки, обе из которых занимаются изучением процесса развития.

Таким образом, третий тип научной модели, ставший характерной чертой XIX и большей части XX века, носит скорее органический, чем механистический характер. Органический в смысле взаимосвязанности. Всё связано со всем органическим образом.

А поскольку речь идёт об историческом процессе, то через него проходит весь процесс развития. Поэтому на этой и следующей неделе мы немного поговорим о немецком идеализме. А затем продолжим обсуждение других направлений XIX века: Фейербаха, немного Маркса и тому подобное.

Но затем, сразу после весенних каникул, мы углубимся в философию процесса в духе Альфреда Норта Уайтхеда. И, пожалуй, сейчас я упомяну, что мы закончили с составлением плана. Но если вы делали это по Канту, вы научились это делать.

Вы научились читать философию. Поэтому, когда мы дойдем до Уайтхеда и далее, мы будем читать классику в мягкой обложке, избранные произведения классической литературы в мягкой обложке. И я буду просить, и я дам вам более подробную информацию позже, я буду просить рецензии на книги, а не конспекты.

Таким образом, у вас будет возможность определить тезис книги. На этой неделе вы работаете над формулировкой тезиса для «Избранных отрывков» Гегеля. Мы рассмотрим тезис книги и этапы его разработки.

И оценка того, насколько эффективна эта философская разработка. Таким образом, мы продвинем философию чтения еще дальше в оставшемся квартале. Но помните об этой структуре, чтобы понимать, что все примет другую форму.

Итак, что же нам нужно сделать, так это прежде всего дать общую характеристику немецкому идеализму. В чём его суть? И эта диаграмма показывает, что я просто стираю эту историческую сетку. Это указывает на то, что немецкие идеалисты отвергают и выступают против абсолютной значимости механистической науки.

Иными словами, они не верят, что механистическая наука ньютоновской традиции объясняет природу реальности. В отношении механистической интерпретации природы они придерживаются феноменалистского взгляда. Речь идёт о явлениях, а не о реальности.

В основе всего лежит скорее органический, чем механический процесс. Это скорее развивающийся процесс, чем статичный порядок. Вы сами увидите.

Статичный порядок, который никогда не меняется. Нет, это процесс развития, в котором происходят изменения. Поэтому следует помнить, что идеализм XIX века — это метафизика перемен.

Метафизика процесса . И это корень, из которого впоследствии выросли философия процесса и теология процесса XX века. О которых некоторые из вас, возможно, уже знают.

Таким образом, это реакция против механистической науки. Конечно , были и другие реакции против механистической науки, которые мы уже спокойно восприняли. Думаю, можно выделить три типа реакций.

Существует точка зрения, согласно которой должны существовать исключения из механистического закона. Декарт придерживался именно этой точки зрения. Разум является исключением из причинно-следственных механизмов, управляющих всем остальным.

Потому что разум обладает свободной волей. Шотландские реалисты придерживаются этой точки зрения. Джон Локк, кажется, тоже придерживается этой точки зрения.

Во-вторых, полностью отвергается механистическая философия как не объясняющая природу реальности. Лейбниц существует. Лейбниц существует.

Его монадология — это скорее телеологическая схема. И в этом смысле Лейбниц является своего рода предвосхищением того, что произойдет позже в XIX веке. Потому что в этом идеалистическом движении мы видим обновление телеологической картины природы и истории.

Это ориентированный на конечный результат, направленный на его достижение. В процессе реализуется определенная мощь. Затем следует феноменальная реакция таких мыслителей, как Беркли и Кант.

Утверждение, что механистическая наука рассказывает нам о видимости, но не о реальности. Таким образом, возникают три других типа реакций, которые мы уже спокойно приняли. Что ж, теперь настала очередь идеалиста.

И, конечно же, это использование в своих целях более раннего феноменологического взгляда на науку. И особенно влияния Канта. Особенно влияния Канта.

Итак, имейте в виду, во-первых, это реакция против механистической науки. Во-вторых, это также реакция против догматической рационалистической метафизики XVII века. Это тот самый фундаменталистский подход, который Декарт заложил, начав с его «первых принципов», а затем перейдя к дедуктивному рассуждению, вплоть до того момента, когда вся система будет разработана.

Такой процесс, такая методология, возможно, были бы уместны, если бы вы считали, что это строго математически упорядоченная вселенная. Математический метод, соответствующий математической вселенной. Но если речь идет о развивающемся, органическом процессе, то вам нужен другой метод.

И здесь мы заметим, что ключевое значение имеет трансцендентальный метод Канта. К нему мы вернемся чуть позже. Трансцендентальный метод.

В-третьих, эти немецкие идеалисты продолжают коперниканскую революцию Канта. А это сразу же опирается на идею трансцендентального метода, который фокусируется на конструктивном вкладе личности. Коперниканская революция Канта.

Иными словами, ключ к реальности, ключ к пониманию реальности, — это роль «я». Роль субъективного «я», человеческого духа. Я уже говорил, что Кант вводит вас в романтизм.

Итак, вот она. Роль творческого «я». Но она проявляется по-разному, и вы можете рассматривать её как роль зрителя, наблюдателя, мыслителя, кого угодно, смотрящего сквозь призму собственного самосознания на экран реальности в целом.

Итак, с этой точки зрения, вы видите вещи через призму самосознания человеческого духа. Иными словами, если мы сможем с помощью трансцендентального метода раскрыть под всеми особенностями человеческого опыта лежащую в основе сущность самосознания, сущность «я», то в этом свете мы сможем увидеть реальность, так сказать, реальность целого, проецируемую на экран. Вы когда-нибудь экспериментировали с созданием теневых изображений в темноте? Делали ли вы это в детстве с фонариком в своей кровати? Направляли ли вы свет на потолок и рисовали пальцами какие-то причудливые фигуры, получая в результате огромное проецируемое изображение? Можно предположить, что Гегель как раз и создавал подобные изображения.

Проецирование образа себя на реальность в целом . Если хотите, создание вселенной по образу и подобию себя. Создание всей реальности по своему собственному образу и подобию.

Ключ к реальности — это собственное самосознание. Если это так, то из этого следует, что структуры человеческого сознания также являются структурами реальности. Или, говоря языком Канта, категории понимания — это категории реальности.

О, вы нарушаете различие между феноменальным и номинальным. Верно. Понимаете ? Если действительно существует некая предформация, при которой формирование «я» происходит по образу и подобию реальности, то, понимая структуры «я», мы можем понять структуры реальности.

Именно это и пытаются сделать эти люди. Таким образом, трансцендентальный метод — это попытка описать процесс самопонимания или самосознания. Развитие самосознания является микрокосмом развития сознания абсолютного духа, всеобъемлющей основы бытия.

И как только я это скажу, вы сразу поймете, что этот идеализм будет монистическим идеализмом. Существует одна всеобъемлющая основа бытия, микрокосмом которой является самосознание .

Теперь позвольте мне сделать еще одно замечание. Это может помочь. Вернемся к этому.

В современную эпоху, начиная с Декарта и заканчивая Кантом, мы наблюдаем постоянный вопрос о природе «я». Что я такое? Ах, мыслящее существо. Что ж, Локк в этом не так уверен.

Юм обнаруживает лишь совокупность восприятий, ничем не объединенных. Кант же видит синтетическое единство апперцепции, благодаря которому происходит некое объединение поля сознания. А схематизация понимания приводит к объединению всего опыта и мышления человека.

Но вы замечаете, что это не некая основополагающая субстанциальная сущность, которая является единым «я». Объединяющим фактором является структурирование сознания. Верно? Объединяющим фактором является структурирование сознания.

Вот с чего начинались идеи немецких идеалистов. Они не ищут некую субстанцию разума, некую субстанцию души в картезианском смысле. Они не ищут бессмертные души в платоновском смысле, обладающие вечным предсуществованием и так далее.

Нет. Они пытаются понять себя как структурированное самосознание. Понимаете ? В этом и заключается понятие «я» .

Что объединяет все многообразие опыта? В чём заключается объединяющее действие «я»? Как вы собираетесь охарактеризовать это самосознание? И, как вы видите из того, что я написал на доске , если самосознание — ключ к реальности, и вопрос заключается в том, какова существенная, центральная, фундаментальная характеристика самосознания, функциями или побочными продуктами которого являются все остальное, то вы получаете четыре разных ответа. У Фихте моральное сознание исходит из критики практического разума . У Шеллинга это то, что Кант называет телеологическим.

В критике суждения речь идёт об эстетическом сознании. Шеллинг — главный философ немецкого романтизма. Для Шлейермахера, Фридриха Шлейермахера, это религиозное сознание.

Шлейермахер — великий теолог XIX века, построивший свою теологию как проекцию религиозного опыта. Если хотите, это романтизм в теологии. Он — теолог-романтик.

Гегель просто говорит: нет, это наша концептуальная способность. Непрерывный процесс попытки постичь само понятие бытия. Именно это отличает развивающееся сознание.

Таким образом, стремясь все полнее постичь концепцию своего «я» , я все полнее постигаю концепцию самого бытия, его целостности. Поэтому необходимо различать конечное «я» и абсолютное «я». Абсолютное в смысле единого всеобъемлющего основания бытия.

И вот здесь начинает проявляться фраза «основа бытия». Вы найдете ее у Шлейермахера, Гегеля и так далее. Хорошо, теперь позвольте мне сделать паузу для вопроса, комментария.

Кристен? О, ты ответила на мой вопрос, когда готовилась. Я так и думала, поэтому и продолжила. Является ли ключевым моментом во всем этом, или мне кажется, что одним из ключевых моментов во всех этих идеалистических идеях является некое единство внутри самого себя ? Да, да.

Да, здесь акцент делается на единстве «я». И сразу же перед вами предстаёт единое, всеобъемлющее, абсолютное «я». Таким образом, мы получаем монистический идеализм, монистическую метафизику, где всё в конечном счёте едино.

В основе этого образа лежит единство «я». Чем это отличается от пантеизма? Почему вы говорите «монистический», а не «пантеистический»? Дело в том, что термин «монизм» просто означает, что реальность — это единое всеобъемлющее существо.

Пантеизм — это религиозная форма пантеизма, отождествляющая одного с Богом. Однако термин «пантеизм» может показаться этим людям слишком прямолинейным. Особенно Гегелю, который не одобряет пантеизм.

Но термин «пантеизм», пожалуй, более уместен. Разница лишь в небольшом греческом предлоге «en», который означает «в». Поэтому вместо того, чтобы говорить, что всё есть Бог и Бог есть всё, следует говорить, что всё есть в Боге.

Но совокупность конечных вещей не исчерпывает всей полноты Бога. Есть место для большего числа процессов. Пантеизм у Спинозы описывает вселенную как статичную.

В нем присутствует механистический статический порядок. Это же динамический, открытый телеологический процесс. Дэвид? Нет, нет, повтори еще раз.

Я не совсем уверен, что понял вопрос. Да, да. Что касается немецких идеалистов, они пытаются понять «я» как структурированное самосознание.

Да, у Канта единство «я», которое представляет собой вот это, хорошо. У Канта единство «я» не находится просто путем перечисления форм и категорий. Оно находится в терминах того, что он называет синтетическим единством.

Обратите внимание на термин «синтетическое единство восприятия». Вы увидите. А затем схематизацию двенадцати категорий в связи с формой времени.

Обратите внимание, что в обоих случаях, как в случае синтетического единства, так и в случае схематизации, это функциональное единство. «Я» объединено в действии. Не просто в бытии, но и в мышлении, в опыте.

Вот почему я говорю о самосознании. Вы увидите. И я думаю, важно отметить, что это функциональное единство, мы функционально едины.

Что же является объединяющим фактором в самосознании в этих случаях? Это функциональное единство. Это функциональные единицы. Вы увидите.

Именно эти функции объединяют. Соответственно, для конкретного философа. Вспомним Джона Локка и его рассуждения о личной идентичности.

Вы увидите. Что же, по мнению Локка, обеспечивает единство личности на протяжении определенного периода времени? И его ответ прост: память. То есть прошлый опыт, связанный с моим нынешним опытом, моя нынешняя память о прошлом.

Вы увидите. Так что это тоже своего рода функциональное единство. И это несколько умозрительный вопрос, что он, что касается существования лежащей в основе души субстанции, считает, что существует, но не может доказать это так ясно, как считал Декарт.

Вы увидите. Так что, я думаю, это понятие функционального единства важно. Хорошо, что-нибудь еще? Тогда позвольте мне подвести итог.

В первую очередь мы обнаружим новую научную модель, более органичную и основанную на теории развития. Если вам нравится теория эволюции, потому что, конечно же, она появилась вместе с биологией развития. Биология развития охватывала как микро-, так и макроуровень.

На микроуровне — истоки генетики, на макроуровне — эволюционная биология. Но это новая научная модель, модель развития. Новый философский метод.

Начинается это с трансцендентального метода, но в дальнейшем его стали называть феноменологическим методом. Феноменология — вот этот метод. Как называется главный труд Гегеля? «Феноменология разума».

Феноменология сознания. А какая философия доминировала в Европе в XX веке? Это феноменология, методологический подход. Это метод, лежащий в основе экзистенциализма, герменевтической теории и так далее.

Обратите внимание на этот термин: феноменология. Это не то же самое, что феноменализм. И немного поразмыслив, вы поймете, почему некоторые из вас, кто использовал эти термины как синонимы, не задумывались.

Между «измом» и «логикой» есть разница. «Изм» — это позиция, теория. Феноменализм — это точка зрения, согласно которой всё, что мы знаем, — это лишь видимость.

Логия — это наука, наука, методологический подход. Феноменология же, следовательно, — это изучение явлений. Это не означает, что можно познать только явления.

Но это означает, что мы начинаем с изучения феноменов. Понимаете разницу? Да, потому что, если вы пытаетесь понять структуру «я», то какова функциональная структура, которая происходит в процессе развития сознания и самосознания? Ну, вам нужно описать этот процесс, не так ли? Вам нужно описать феномены развития сознания. Поэтому метод феноменологический.

Что ж, сейчас, в XX веке, этот термин довольно распространён. И хотя некоторые нефилософски настроенные люди используют его как синоним феноменализма, это два совершенно разных понятия. Правильное его применение можно найти в таких выражениях, как «феноменология религии».

Этот термин используется в двух значениях. Первое — это феноменология религиозного опыта, описывающая явления религиозного опыта. Второе — это феноменология религии, описывающая верования и практики.

Феномен на этом социальном уровне, на уровне культа. Феноменология. Это описательный метод.

Это не попытка доказать что-либо с помощью доказательственных аргументов. Старые доказательственные аргументы традиции замка Декарта — нет, это в прошлом. Это было частью догматической метафизики.

У вас есть описательный метод. И, следовательно, вывод из эффективного описания не сводится к тому-то и тому-то, что и требовалось доказать. Вывод из эффективного описания звучит так: «А, понятно, да, так оно и есть».

Понимаете? Потому что своим описанием вы как бы говорите кому-то: «Эй, подойди и посмотри. Увидишь то же, что и я». Понимаете? И достоверность описания подчеркивается, когда происходит этот консенсусный социальный процесс.

Понимаете? Это межличностное согласие относительно того, что именно правильно описывается. Таким образом, это описательный подход, а не демонстративный. Поэтому, когда вы читаете Гегеля, не спрашивайте себя: «Что он доказал? Что это за произведение о господине и слуге? Доказал ли он что-нибудь?» Он не пытается ничего доказать.

Он просто пытается описать межличностные отношения, благодаря которым хозяин осознаёт себя как хозяина, а служанка — как служанку. Понимаете? Описывается развивающееся самосознание и самосознание.

Но это лишь теневое отражение целого, или же целое — это теневое отражение целого. Понимаете? Микрокосм, макрокосм. Позвольте мне сделать здесь паузу и добавить еще одно замечание, которое мне бросается в глаза.

Раньше я об этом особо не задумывался. Прошлой осенью, когда мы начали изучать досократиков, я пытался показать, что ещё до зарождения философии, у греческих поэтов, Гомера, Гесиода и других, существовала идея упорядоченного единства, согласно которой упорядочение нравственной жизни индивида является микрокосмом упорядоченной справедливости города-государства, который, в свою очередь, является микрокосмом упорядоченного единства космоса. Помните? Таким образом, самость, морально упорядоченная, правильная, справедливая личность, является микрокосмом упорядоченного космоса.

Обратите внимание, насколько радикальны изменения на данном этапе. В каком-то смысле, это возвращение к той же теме. Понимаете? Упорядоченное единство «я» — это микрокосм упорядоченного единства реальности в целом .

Видите? Но для греческих философов это развивалось в контексте упорядоченного единства физической вселенной. О! Теперь это рассматривается в контексте упорядоченной вселенной мира идей, мира культуры, искусства, религии. Но идея о том, что «я» является микрокосмом целого, по-прежнему присутствует.

Поэтому не удивляйтесь, если, читая о Гегеле, вы столкнетесь с понятием логоса. Понимаете? Потому что Гегель в своих религиозных трудах вновь ввел концепцию логоса, которая была вытеснена в механистическую эпоху, в которой не существовало телеологии. Хорошо.

Хорошо. Что же я тогда сказал? Новая научная модель, новый философский метод, феноменологическое описание. Ладно.

Новая логика. Новая логика. Потому что до сих пор у нас была логика силлогизма .

Силлогистическая логика. В результате мы получим логику процесса. И эта логика процесса — диалектическая.

Силлогистическая логика — это логика неизменных универсалий. Почему? Ну, вы знаете основное правило простого категорического силлогизма. Всё А есть В. Всё В есть С. Следовательно, всё А есть С. Видите ли, основное правило силлогизма заключается в существовании среднего термина.

А средний член должен быть универсально расширен хотя бы один раз. То есть, В должно быть универсальным, все В, хотя бы один раз, чтобы В, это В, это конкретное В , могло быть частью этого. В противном случае, связи нет.

Необходимо наличие связующего элемента. Этот связующий элемент должен касаться универсального понятия. Конечно, он может касаться и универсального класса людей.

Но это должен быть класс людей, неизменных в каком-то отношении. Другими словами, должны существовать неизменные универсалии какого-то рода. По крайней мере, неизменные универсальные концепции.

Итак, эта логика была разработана, организована и развита Аристотелем, который, как вы понимаете, делал акцент на универсалиях. Неизменных универсальных понятиях. Классы, виды.

О, но теперь, если у нас есть концепция развития в науке и истории, понимаете, как мы будем осмысливать происходящее в процессе развития? Очевидно, это поднимет вопрос: существуют ли какие-либо универсалии? И Гегелю придется перестроить всю теорию универсалий. Он не отказывается от нее, он перестраивает ее. И он довольно близок к Аристотелю.

Но при его переосмыслении ему по-прежнему приходится работать с логикой процесса, а не с логикой постоянства. Вспомним досократиков. Где антитеза между Гераклитом и Парменидом — это антитеза между всеобщим изменением и всеобщим постоянством.

Итак, теперь мы переходим к идее о том, что изменение более принципиально, чем неизменность. Изменение более принципиально, чем неизменность. Когда мы дойдем до Гегеля, я сделаю несколько замечаний по поводу его логики.

Иногда говорят люди, не читавшие логику Гегеля, что он отвергает закон непротиворечия. Это не так. И это прямо указано.

В мире перемен он просто считает это пустяком. Вы никогда не входите в одну и ту же реку дважды, поэтому у вас возникают проблемы с законом непротиворечия одновременно и в одном и том же отношении. Таким образом, логика процесса, диалектика.

Диалектика, как вы помните, — это такой тип мышления, который говорит «да», «нет», а затем объединяет эти два понятия в синтезе. Тезис, антитезис, синтез. Да, нет, ну вот и всё.

Проблема в том, чтобы это понять. Суть в том, что мыслительный процесс, который является отправной точкой, мыслительный процесс подобен мысленному блужданию, поиску пути через целый лабиринт идей. Не это, а вот это, то немного дальше, но да, нам нужно это и это.

Мысленное блуждание, ведущее к все более полному пониманию. Разворачивающаяся концепция. И, если применить это к истории, то это точка зрения, согласно которой история имеет тенденцию к колебаниям маятника.

Сейчас мы наблюдаем консервативную реакцию в бывшем Советском Союзе, а затем произойдет модификация. Таким образом, это будет диалектический процесс. Новая логика.

Следовательно, необходима и новая эпистемология. Новая эпистемология. То, что у нас было в XVII и XVIII веках, представляло собой репрезентативную теорию знания.

Репрезентативные. Идеи, которые носят субъективный характер, которые что-то означают, но у этих немецких идеалистов идеи больше не являются репрезентациями, статичными представлениями в сознании. Идеи возникают в динамическом взаимодействии с миром, частью которого мы являемся, с более широким миром.

Таким образом, перед нами эпистемология, которая делает акцент на непосредственном осознании. В рамках которой происходит постепенное прояснение идей, прояснение понятий. Непосредственное осознание, постепенное прояснение.

Мы увидим это более наглядно, когда дойдем до Гегеля. А что касается новой метафизики, то именно о ней мы и говорили. Как вы собираетесь описать новую метафизику? Это скорее идеализм, чем материализм, скорее не дуализм.

Это идеализм. Всё имеет природу разума, духа и «я». Если хотите, это своего рода развивающийся монизм.

Это можно назвать эволюционным идеализмом. Не всякое эволюционное мышление является натуралистическим. Это были эволюционные идеалисты.

Всё движется к полной реализации той духовной жизни и жизненной силы, которая лежит в основе всего остального. Она скрыта. Она проявляется.

Эволюционный идеализм. Иногда его называют имманентистским. В нем утверждается, что любое божественное существо, абсолютная основа бытия, имманентно во всей полноте .

Это имеет глубокие богословские последствия. Это означает, что нет трансцендентного Бога, который должен являть себя творениям, находящимся вне Его. Поэтому особого откровения не существует.

Потому что если божественное неизбежно, то божественное самосознание пробуждается в вашем самосознании. Поэтому не существует особого откровения, актов откровения. Не существует ничего подобного сотворению из ничего.

Не существует такого понятия, как исторический акт искупления. Это всего лишь внутренний процесс, неизбежный. Нет уникального воплощения.

Как это возможно, если нет трансцендентного Бога, воплотившегося в нём? Воплощение — это всего лишь символ, говорящий о неизбежности божественного во всём. Поэтому обратите на это внимание, когда мы перейдём к философии религии Гегеля. Имминентизм.

Метафизику иногда описывают как градуализм. Иными словами, всё сущее в той или иной степени является разумом, духом, сознанием. Старое представление о степенях бытия на всех уровнях иерархии, видите ли, теперь переводится в процесс развития.

Процесс эволюции — это постепенное развитие на более высокие ступени. На более высокие ступени развития разума, духа. В этом и заключается эволюционный оптимизм.

А для Гегеля наиболее полное проявление духа происходит в немецкой культуре. Где еще этого можно было ожидать? Да, это была эпоха национализма. Почему? Потому что что такое национализм? Это воплощение, полное самопознание, самореализация идентичности духа народа.

Национализм — продукт романтизма. Продукт немецкого идеализма. А потом я собирался сказать, что это романтизм.

Ну, я думаю, вы это уже понимаете. Когда Вордсворт поет оду нарциссам, и ваше сердце танцует вместе с нарциссами, это не просто метафора, понимаете. Танец нарцисса — это свободное, творческое проявление определенной степени творческого духа, который в полной мере проявляется в вашем сердце.

И вот ваше сердце, откликаясь на этот стимул, присоединяется к одному великому хору танца. Романтизм. Что ж, именно к этому мы и движемся с немецким идеализмом.

Теперь я хотел бы сделать пару замечаний по поводу этих других фигур. Есть вопросы? Вы понимаете, какую картину я пытаюсь нарисовать? Думаю, если вы поймете это и другие иллюстрации, которые я собираюсь использовать, вы обнаружите, что чтение отдельных фрагментов Гегеля, которые у нас есть, имеет смысл. Но сначала прочтите Штумпфа.

Он даст вам более общую картину, хотя и почти безжизненную, как будто это логическая система, а не процесс развития. Думаю, лучше всего это делает, если говорить кратко, хотя я также обязан книге о Гегеле, написанной нашей выпускницей, Мерил Вестфолл, Вестфалль, которая преподает в Фордхэмском университете в Бронксе. И она первоклассный специалист по Гегелю.

Он был президентом Американского общества Гегеля. Но его книга очень, очень помогает в этом разобраться. Хорошо.

Как я уже говорил, концепция того, что объединяет «я», какая функция является доминирующей объединяющей функцией, всепоглощающей функцией «я»? Фихте, умерший в 1814 году, был, кстати, очарован образом Наполеона, фигурой на белом коне, марширующего по Европе. Это романтический образ, воплощающий так много. Фихте поднимает вопрос о том, что лежит в основе всего нашего опыта. Что является предпосылкой, если использовать кантовский термин, предпосылкой, которая делает возможным человеческий опыт, которая делает наше сознание таким, какое оно есть? Вот это и есть хороший кантовский вопрос.

Он отвергает догматическую метафизику, как и Кант. Он выбирает трансцендентальный метод, как и Кант. И, описывая опыт самости, он обнаруживает, что природа самости проявляется прежде всего как природа нравственного существа, где воля является доминирующей и наиболее показательной способностью.

Интересно, что его феноменологическое описание, которое к этому приводит, скорее представляет собой описание эпистемологической стороны вопроса. Он, например, задает старый вопрос Декарта: как я могу знать, что материальные тела существуют? Это старый вопрос. Беркли был бы этому рад .

Откуда вы знаете, что материальные тела существуют? И его первоначальный ответ, конечно же, — это описание скептицизма, порождаемого такими людьми, как Беркли и Хью. Я не знаю, существуют ли физические тела. Но в моей моральной борьбе, моей внутренней моральной борьбе между долгом и желанием, между действием из чувства долга и просто следованием своим склонностям в окружающем меня мире, я обнаруживаю, что моя моральная жизнь постулирует — вот опять этот термин, он был у Канта, — существование не-я, которое противостоит моральной жизни «я».

Таким образом, именно в нравственной жизни мы находим противоположность нравственной воли. Противоположностью нравственной воли является то, что, видите ли, постулируется волей, так сказать. Нет никаких доказательств существования физического мира, не являющегося самостью.

Но что бы это ни было в этом не-я, оно находится в своего рода диалектической оппозиции к «я». В том виде, в каком мы его знаем в нравственной жизни, не так ли? Итак, если мы собираемся говорить о природе реальности, то какой она будет? То есть, если Самосознание — ключ к реальности, и эта линза позволяет мне проецировать картину реальности на общий экран. Что я могу сказать о природе реальности? Ну, очевидно, в реальности в целом нет антитезиса самосознанию. Нельзя иметь это одновременно и как нечто а-, и как нечто не-а-.

И в итоге это проявляется как эго. Абсолютное эго, абсолютная воля. Иными словами, реальность. В целом, обладает тем, что мы бы назвали конативными характеристиками.

Да, в разной степени. У людей есть сознательная воля, моральная воля. У животных — инстинктивное влечение.

В растительной жизни постоянно присутствует стремление к росту, к выживанию. Сопротивление, которое даже неодушевленные предметы оказывают внешним силам. Во всех этих случаях мы видим проявления воли или предразвития воли, противостоящие тому, что находится за ее пределами.

Камень, сопротивляющийся разрушению. Растение, пробивающееся сквозь почву. Животное обладает инстинктивным стремлением и борьбой за выживание.

И человек, готовый действовать из чувства долга, а не просто поддаваться склонностям. Такова его концепция. И он представляет это примерно так.

То, что вы имеете в виду, — это высшая реальность, — это абсолютное эго, проявляющееся в конечном эго и конечном не-эго. В феноменальной сфере мы наблюдаем именно эту противоположность: эго против не-эго.

Таким образом, феноменологическое описание это подтверждает. Мы знаем реальность стремления воли. Мы не знаем реальности физического не-эго.

Давайте просто предположим это. И, проецируя это на экран, абсолютный эгоизм — это и есть природа реальности. Что ж, попробуйте это с Шеллингом.

Попробуйте обратиться к Шеллингу. Как я уже говорил, его отправная точка — это скорее критика здравого смысла, чем критика практического разума. В центре внимания — чувство единства с природой.

Ощущение непрерывной телеологии, частью которой является наш эстетический опыт. И так далее. Хорошо, Шеллинг пишет о философии природы в терминах эволюционного идеализма.

Физический мир находится на ранней стадии своей постепенной эволюции живого сознательного духа. И природа — это живая сила. Импульсивная.

Творческий. Полный новизны. И когда он обращается к философии сознания, он видит нечто подобное в человеческой культуре.

Наблюдается низкий уровень креативности и зарождающееся стремление к новизне в теоретическом мышлении. Чувственное восприятие. Теоретические знания.

В практической сфере этот творческий импульс проявляется в большей степени. В моральной и политической, как говорил Фихте. Но наиболее полно он проявляется в эстетической сфере.

Там, где созерцательное измерение первого уровня, восприятие, сочетается с активным измерением второго, нравственного уровня. Действие и созерцание объединяются в творческом искусстве. Творческая энергия.

Обладая богатым воображением, он создает новые миры впечатлений. Он феноменологически исследует этот процесс и приходит к выводу, что сама реальность в целом обширна, созидательна, а не является созидательной волей, а скорее движущей силой творчества.

Акцент делается на чувствах и раскрытии абсолюта в ходе истории. Таким образом, эти два подхода в значительной степени следуют одному и тому же методологическому процессу. Очень похожи.

Шлейермахер? Ну, Шеллинг, кстати, был членом романтического круга сначала в Йене, в Германии, а затем в Берлине. В Берлине к нему присоединился Шлейермахер, который был пастором из пиетистской среды, больничным капелланом и так далее. И он считает, что ключ к пониманию — это религиозное самосознание.

Он возражает против того, что Кант сводит религию к чему-то большему, чем просто этика. Потому что религиозный опыт, как знает любой пастор, — это гораздо, гораздо больше, чем просто этическая воля. Моральная воля.

Религиозный опыт — это абсолютная зависимость от божественного. И это его определение самой сути христианского благочестия. Это чувство абсолютной зависимости от божественного.

Я вырос в пиетистской среде. Но для того, чтобы это было так, для абсолютной зависимости, Бог не является отдельным существом, наравне с нами. Бог не трансцендентен.

Бог есть само бытие. Основа всего сущего. Но он не хочет, чтобы это подразумевало пантеизм Спинозы.

Спиноза, как и мыслители XVIII века, придерживался атомистического взгляда на индивидов как на дискретных, изолированных друг от друга людей. Шлейермахер же склоняется к более реляционному взгляду.

Я не связан с другими вещами извне, через меня проходит лишь канал непрерывности. Скорее, это органическая взаимосвязь. Таким образом, определяется «я», то, что я есть, то, что объединяется в этом религиозном опыте, — вся эта сеть взаимоотношений.

Вот я и имею генетические связи с родителями. Социальные связи с друзьями, коллегами, окружением. Эмоциональные связи со всем, что только можно себе представить, понимаете.

Объединяющим элементом всего этого является ощущение абсолютной зависимости. Куда бы ни направлялись эти векторы, они выражают зависимость от чего-либо. Зависимость того или иного рода.

Объединение их всех в единое ядро — это абсолютная зависимость от самого бытия. И эти конечные зависимости — лишь конечные аспекты целого. Таким образом, Бог — это всеобъемлющая основа бытия.

И, конечно же, он пытался сформулировать теологию, чтобы определить христианские богословские понятия в этих терминах. И язык теологии, следовательно, становится символическим, а не воспринимается в буквальном смысле. Ну, вы понимаете, что происходит? Феноменологическое описание функционального единства самосознания.

В итоге мы приходим к выводу, что то, что мы обнаруживаем в себе, — это всего лишь микрокосм целого, которое затем проецируется как природа реальности. Хорошо. Мы продолжим с этого момента и немного повторим это в следующий раз, когда будем разбираться с самим Гегелем.